

RU

Метафора и сравнение в повести А. Козлачкова «Запах искусственной свежести»

Попова О. А., Голяшова Л. Г.

Аннотация. Цель исследования состоит в решении вопроса о том, какую роль метафора и сравнение играют в создании эмотивного фона произведения и как они участвуют в выражении авторской позиции. Новизна нашего исследования заключается в анализе языкового своеобразия повести Алексея Козлачкова «Запах искусственной свежести», в выявлении и рассмотрении тропов, используемых писателем, а также в изучении специфики функционирования в тексте произведения метафоры и сравнения. В результате доказывается, что характер употребления метафоры и сравнения в повести А. Козлачкова свидетельствует об оригинальности и самобытности языковой манеры писателя и позволяет говорить о нем как о продолжателе традиций русской классической прозы.

EN

Metaphor and Simile in A. Kozlachkov's Novella "The Scent of Artificial Freshness"

Popova O. A., Golyashova L. G.

Abstract. The purpose of the research is to address the question as to what role metaphor and simile play in creating emotive background of a literary work and how they participate in expression of the author's standpoint. Scientific novelty of the research lies in analysing linguistic distinctness of Alexei Kozlachkov's novella "The Scent of Artificial Freshness", identifying and considering the tropes used by the writer, as well as in studying specific nature of metaphors and similes functioning in the work text. As a result, it is proved that the way in which metaphor and simile are used in A. Kozlachkov's novella testifies to originality and uniqueness of the writer's linguistic manner and allows the researchers to refer to him as a successor of the Russian classical prose traditions.

Введение

Метафора и сравнение являются теми видами тропов, вопрос о природе и характере соотношения которых вызывает большой интерес исследователей на протяжении многих веков. Идущий от Аристотеля тезис о том, что «создавать хорошие метафоры – значит, подмечать сходство» [1, с. 42], на долгое время определил рассмотрение метафоры и сравнения как близких понятий. Изучению и осмыслению различных аспектов, связанных с метафорой, а также ее места среди других тропов посвящено множество работ по лингвистике, литературоведению, риторике, философии, логике, психологии, психоанализу и др. [2-5; 7; 8; 10; 12; 13]. В настоящее время внимание исследователей к данным вопросам не только не угасает, но и возрастает, о чем наглядно свидетельствуют, к примеру, существование Ассоциации исследователей метафоры (Association for Researching and Applying Metaphor – RaAM) и традиционно проводимые ею научные конференции, в которых принимают участие представители многих стран [14].

Несмотря на повышенный интерес ученых к метафоре и связанным с ней видам тропов многие вопросы до сих пор требуют дополнительного изучения. Среди них можно отметить такие, как участие метафоры и сравнения в передаче эмоциональных состояний человека, взаимосвязь данных тропов с невербальной составляющей коммуникации (жесты, мимика и пр.), механизмы создания новых метафор и сравнений, соотношение метафоры, сравнения и метафорического сравнения и др. Наличие в лингвистике и литературоведении спорных и до конца не решенных вопросов определяет актуальность нашей работы.

Задачами нашего исследования являются описание художественного своеобразия повести А. Козлачкова, анализ представленных в произведении метафор и сравнений, выявление специфики их использования, а также рассмотрение их роли в репрезентации авторской позиции.

Для решения поставленных задач в работе используются такие методы исследования, как историко-типологический, предполагающий комплексное обобщение фактов литературного процесса с целью выявления особенностей творчества писателя, историко-контекстуальный, рассматривающий литературу как результат общественной жизни в конкретных культурно-исторических условиях, а также метод контекстуального анализа, способствующий изучению тропов в художественном произведении.

Теоретическую базу исследования составляют работы российских и зарубежных исследователей, посвященные изучению метафоры и сравнения, в том числе их соотношения (Б. В. Томашевский, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. Г. Гак, А. Вежбицкая, М. Блэк, Э. Ортони, Дж. Миллер и др.).

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в практике преподавания русской литературы, а также в сопоставительном исследовании произведений русской литературы различных периодов.

Общая характеристика повести А. Козлачкова

Материалом нашего исследования является повесть Алексея Козлачкова «Запах искусственной свежести», опубликованная в 2011 году и в том же году удостоенная Премии Ивана Петровича Белкина за лучшую русскую повесть года. Повесть посвящена событиям в Афганистане, где А. Козлачков, будущий журналист и писатель, служил два с половиной года в воздушно-десантных войсках. Критики, анализируя проблематику «Запах искусственной свежести», называют А. Козлачкова продолжателем лучших традиций русской классической психологической прозы, говорят о своеобразии авторского видения описываемых в повести событий и об оригинальности авторской позиции по отношению к ним: «Проза Алексея Козлачкова – не просто художественное свидетельство Афганской войны, а в полном смысле “окопная правда”... В ней есть “все, что вам нужно знать про войну”: нечеловеческое физическое и психическое напряжение, грязь и холод, кровь и пот, любовь и дружба, предательство и самоотвержение и, конечно, смерть во всех ее неприглядностях... Зачастую совершенно не героическая, а вполне себе незаметная – просто смерть...» [11, с. 4-5].

Однако своеобразие повести «Запах искусственной свежести» заключается не только в умении автора показать афганскую войну с иной, нежели это утвердилось в печати и Интернете, стороны, но и в самобытности языковой манеры писателя. Стилль А. Козлачкова, на наш взгляд, отличается тщательным отбором языковых средств. К примеру, как и в большинстве произведений современной военной прозы, в повести «Запах искусственной свежести» употребляются армейские жаргонизмы, которые помогают автору описывать бытовые, психологические и профессиональные особенности военнослужащих, приближать читателя к событиям, о которых говорится в тексте [9, с. 152]. Однако в повести Алексея Козлачкова, в отличие от многих произведений современной военной прозы, жаргонизмы используются крайне умеренно. Рассказ ведется от лица автора-повествователя, который сам представляется читателю: «Я – лейтенант, командир взвода разведки и управления минометной батареи 3-го парашютно-десантного батальона 350-го парашютно-десантного полка Федор Травников» [6, с. 31]. Среди армейских жаргонизмов, которые употребляет писатель, можно выделить такие группы, как наименование человека по прозвищу, обозначения воинских должностей и званий, а также отдельные лексические единицы, характеризующие различные особенности военной службы в Афганистане. Способ включения армейских жаргонизмов в текст повести различен: автор может не акцентировать на них внимания и никак не выделять их, а может подробно комментировать то или иное армейское выражение и связанные с ним обычаи. В основном без авторского пояснения остаются распространенные и достаточно известные в армейской и в гражданской среде жаргонизмы: Афган – «Афганистан», Союз – «Советский Союз», учебка – «учебная часть», сухпай – «сухой паек», духи – «душманы», комбат – «командир батальона», замполит – «заместитель командира по политической части», ротный – «командир роты», взводный – «командир взвода» и т.п. Более подробно и основательно автор разъясняет жаргонизмы, неизвестные широкому кругу читателей и имеющие локальный характер употребления. Такого рода выражения А. Козлачков употребляет в кавычках, чтобы подчеркнуть их жаргонный характер: «На это можно было рассчитывать, ведя операцию в какой-нибудь “зеленке”, густых тропических зарослях вокруг афганских рек» [Там же, с. 71]; «Засыпать научались лишь самые матерые воины, уже перед дембелем, в войсках их называли “Рексами ВДВ”» [Там же, с. 74]; «Офицеры для послеобеденного отдыха собирались в “доме офицеров”, – так в шутку называли огромный надувной бассейн, расположенный возле палатки командира батальона под плотным навесом из маскировочных сетей, что защищало его от солнца» [Там же] и т.д.

Наряду с использованием жаргонизмов, особый армейский колорит в произведении «Запах искусственной свежести» создается посредством включения в текст элементов военного фольклора, представляющего собой, как пишет А. Козлачков, «нескончаемый офицерский народный эпос, столь же величественный и правдоподобный, как и более ранние его пласты про Алешу Поповича, Добрыню и Змея» [Там же, с. 17]. Эпическое начало связывается в повести с образами таких героев, как капитан Денисов и в особенности командир батальона майор Никольский, речевая манера которого определяется автором как «никольские народные сказки» [Там же, с. 41].

Особенности использования метафоры и сравнения в повести «Запах искусственной свежести»

Однако красочность языковой манеры характерна не только для названных героев произведения, но и для самого автора-повествователя, речь которого богата оригинальными метафорами и сравнениями.

В исследовательской литературе представлены различные точки зрения на соотношение метафоры и сравнения. Распространенное представление о том, что метафора есть скрытое, имплицитное, сжатое сравнение, привело к нечеткому разграничению сущности этих тропов, что вызвало активные дискуссии в научных кругах и поиск оснований для дифференциации данных языковых явлений. Так, в частности, о существенном различии метафоры и сравнения пишет Б. В. Томашевский, отмечая, что в метафоре «слово фигурирует только в своем переносном значении», в то время как в сравнении «слова употребляются в их прямом значении» [13, с. 60]. Необходимость разграничения сравнения и метафоры подчеркивается также Н. Д. Арутюновой, по мнению которой метафора и образное сравнение находятся в непосредственных системных отношениях и их близость не вызывает сомнений, однако данные виды тропов следует строго разграничивать: сравнение построено на подобии, а метафора – на тождестве [2, с. 27]. Э. Ортоны в работе «Роль сходства в уподоблении и метафоре» утверждает, что «метафору нельзя отождествлять со сравнением», хотя в то же время метафоры часто употребляются для сравнения [8, с. 222]. Успех сравнения, согласно ученому, зависит от того, «в какой степени сравниваемые вещи являются (или могут быть признаны) сходными», то есть подобными по значению [Там же, с. 223]. Успех же метафоры, наоборот, заключается в степени контраста, неожиданности, непредсказуемости связи вещей: «Чем дальше отстоят друг от друга противопологаемые разряды объектов, тем ярче “метафорический сюрприз” от их контакта» [2, с. 19-20].

Большое внимание дифференциации метафоры и сравнения уделяет А. Вежицкая в работе «Сравнение – градация – метафора». Лингвист подчеркивает, что метафора и сравнение различаются своими глубинными структурами [4, с. 143]. Кроме сравнения и метафоры, лингвист обращается к понятию «метафорическое сравнение», которое по своей структуре оказывается ближе к метафоре, чем к сравнению. Для каждого из этих тропов А. Вежицкая предлагает свой способ моделирования семантических отношений: сравнение может быть представлено в виде формулировки ‘можно сказать, что это могло бы быть...’; метафора – ‘можно сказать, что это не..., а ...’; метафорическое сравнение – ‘можно сказать, что это могло бы быть не..., а ...’ [Там же, с. 144]. Метафору и метафорическое сравнение, согласно данным формулировкам, сближает наличие в их структуре отрицания, которое не представлено в структуре сравнения. Отличием метафорического сравнения от метафоры являются развернутая, распространенная структура и наличие связки *как, словно, подобно, точно, как будто* и др.

Основываясь на теоретических положениях, представленных в работе А. Вежицкой, в повести А. Козлачкова можно выделить большое количество сравнений (напр., «тонкие как осы»), метафор (напр., «прихотливой многоножкой... перемещался взвод») и метафорических сравнений (напр., «солдаты, любознательные, как мартышки, отрывающие лапы кузнечнику»). Однако проведенный нами анализ показывает, что, несмотря на различия в глубинной структуре данных тропов, их употребление в повести А. Козлачкова имеет общие тенденции и отражает единую закономерность, связанную с лежащим в основе сюжета противопоставлением двух реальностей – военной, армейской («здесь»), и мирной, гражданской («там»). В связи с этим мы не будем подробно останавливаться на разграничении метафор, сравнений и метафорических сравнений в повести «Запах утраченной свежести», но основное внимание уделим характеру употребления данных тропов в структуре произведения. Кроме того, при использовании термина «сравнение» мы будем иметь в виду как сравнения, так и метафорические сравнения.

Роль метафоры и сравнения в выражении авторской позиции

Как показал проведенный анализ, в основе многих метафор и сравнений в повести А. Козлачкова лежит совмещение деталей настоящего (изнуряющая афганская действительности, которую автор обозначает как мир «реальный батальонный») и прошлого (мирная жизнь в далеком Петербурге, тогда еще Ленинграде, – мир «иллюзорный питерский»). Так, к примеру, разводным мостам, «через которые проходят разные полезные корабли в нужном направлении», уподобляются в повести широкие и надежные плечи капитана Денисова [6, с. 20]; цвет волос Мухина сравнивается с цветом волос «крестьянских детей в учебнике “Родной речи” для начальной школы» [Там же, с. 22], а солдаты, возвращающиеся после учений, – с персонажами «картины Репина “Бурлаки на Волге” – только в касках и бронежилетах» [Там же, с. 62]; речевая манера майора Никольского соотносится с мифами Древней Греции [Там же, с. 42]; пули ударяют по пластинкам бронежилета «будто бы по клавишам пианино с разным тоном» [Там же, с. 34]; стук солдатских ложек по дну котелков воспринимается как «музыкальная тема этого утра» [Там же, с. 24] и т.д.

В повести «Запах искусственной свежести» метафоры и сравнения играют важную роль в характеристике образов героев. Так, тропы, используемые автором-повествователем, демонстрируют читателям человека начитанного, образованного, чье прошлое связано с миром искусства и культуры. Однако метафоры, свойственные речи майора Никольского, имеют иную природу, характеризуют образ комбата как народного сказителя, тонко чувствующего природу солдата и интуитивно улавливающего законы психоанализа Фрейда. Подчеркнем, что метафоры и сравнения, используемые майором Никольским, также основаны на сопоставлении армейской и гражданской реальности, жизни и смерти: «Самая Судьба, она же Смерть, выступала по комбатовской мифологии ядреной девкой, ускользающей от могучих объятий честного воина, и к ней надо было подступиться, обольстить, обмануть, овладеть хотя бы силой» [Там же, с. 42]; «Это ведь не война, это ведь просто “Машку за ляжку, а Люсю за грудь”» [Там же, с. 43].

Ключевая оппозиция повести – «здесь» и «там» – реализуется через обращение автора к более частным противопоставлениям, таким как «юг – север», «жара – холод», «зной – прохлада», «сухость – влажность», что находит прямое отражение в употреблении метафор и сравнений, содержащих аналогичные семы. Так, афганская действительность характеризуется метафорами и сравнениями, передающими ощущения изнуряющей жары, палящего солнца, жажды, нехватки воды и влаги: «Летом ты всегда, за исключением ночи, чувствовал себя, как червяк на сковородке, с которой уже не вылезти: пустыня Регистан, где стоял лагерем наш батальон, *вытараивала* из человека все жизненные силы уже к полудню, – оставалась одна только *иссохшая шкурка*» (здесь и далее курсив наш. – О. П., Л. Г.) [Там же, с. 15]; «...такая *фляга* для летней жары афганской пустыни *была просто наперстком*» [Там же, с. 57]; «...не было способа привыкнуть к этому пеклу, хоть проживи в нем изрядно; эта *сковородка* мучила и изнуряла до конца службы» [Там же, с. 69]; «...впечатление навалившейся жары, *пригнетающее к земле, как железная плита*» [Там же, с. 72]; «...из ямы доставали “*кости негра*”» [Там же, с. 58] и др. И напротив, образ родины создается посредством метафор, содержащих семы прохлады и влаги: «...размазав жидкость по щекам, я тотчас же мягко *отплывал* в дальние северные пределы, в *прохладный* Петербург» [Там же, с. 9], образ «*влажного* Питера, – непременно влажного, занимавшего в грезах моего перегретого организма образ рая» [Там же] и др.

Яркость метафор и сравнений в повести А. Козлачкова во многом определяется неожиданностью связи сопоставляемых объектов и явлений. Среди тропов, используемых автором, можно выделить отдельную группу зоометафор и зоосравнений, в которых взаимодействие компонентов обусловлено «индивидуальным опытом и субъективным сознанием автора», в результате чего и возникает эмоционально насыщенный образ, апеллирующий к воображению, а не знанию, показывающий кратчайший путь к сущности объекта [2, с. 20]: «...чувствовал себя, как червяк на сковородке» [6, с. 15]; «...прихотливой *многоножкой* – которой ноги теперь очередь? – перемещался взвод» [Там же, с. 33]; «...проплясал, как обкурившийся *носорог*, под пулевым дождем» [Там же, с. 36]; «...тонкие, как *осы*» [Там же, с. 71]; «...солдаты, любознательные, как *мартышки*, отрывающие лапы кузнечнику» [Там же]; «...выскакивали из *вертолетного брюха*» [Там же, с. 72]; «...тонул, как муха в меду, не в силах высвободить ни крыльев, ни лап» [Там же, с. 99] и др.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Сравнения, метафоры и метафорические сравнения в повести «Запах искусственной свежести» помогают выявить общую концепцию произведения, заключающуюся в том, что человек всегда балансирует на грани жизни и смерти, находясь в ситуации выбора, и при любых обстоятельствах – будь то армейская или гражданская действительность – ему необходимо сохранять свое лицо, ведь и война не всегда бывает героической, и на ней люди могут погибать из-за глупости. Характер употребления тропов в произведении свидетельствует об оригинальности языковой манеры Алексея Козлачкова и богатстве используемых им художественных приемов. Особой самобытностью, на наш взгляд, обладают представленные в тексте метафорические сравнения, которые отличаются яркостью, неожиданностью, контрастностью, богатством выражаемых ими эмотивных оттенков значения. Используемые автором метафорические конструкции, как правило, являются развернутыми, распространенными, усложненными эпитетами, олицетворениями и другими тропами, что можно увидеть в продемонстрированных выше примерах.

Повесть Алексея Козлачкова «Запах искусственной свежести» является одним из центральных произведений так называемого «афганского» цикла писателя. В проведении сопоставительного анализа языкового и художественного своеобразия повестей и рассказов А. Козлачкова, посвященных «афганской» теме, и видятся дальнейшие перспективы нашего исследования.

Источники | References

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. М.: Азбука, 2012. 352 с.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
4. Вежбицкая А. Сравнение - градация - метафора // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 133-152.
5. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11-26.
6. Козлачков А. Батальон в пустыне. Солдаты Афганской войны. СПб.: Питер, 2020. 288 с.
7. Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 236-283.
8. Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 219-235.

9. Попова О. А. Языковое своеобразие повести Алексея Козлачкова «Запах искусственной свежести» // Военное образование: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов / под общ. ред. В. Ф. Купавского. Пермь, 2016. С. 151-153.
10. Портнова С. Лингвопоэтический аспект оценочных значений в творчестве Игоря Северянина (Игоря Васильевича Лотарева) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poet-severyanin.ru/library/lingvopoeticheskiy-aspekt-otsenochnih-znacheniy.html> (дата обращения: 20.06.2021).
11. Пучков Д. Предисловие // Козлачков А. Батальон в пустыне. Солдаты Афганской войны. СПб.: Питер, 2020. С. 4-5.
12. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26-52.
13. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / вступ. ст. Н. Д. Тамарченко; комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
14. Шитиков П. М. Обзор конференции Ассоциации исследователей метафоры RAAM 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-konferentsii-assotsiatsii-issledovateley-metafory-raam-2020> (дата обращения: 21.06.2021).

Информация об авторах | Author information

RU

Попова Ольга Александровна¹, к. филол. н., доц.
Голяшова Людмила Геннадьевна², к. пед. н., доц.
^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России

EN

Popova Olga Aleksandrovna¹, PhD
Golyashova Lyudmila Gennadyevna², PhD
^{1,2} Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

¹ p-olgaperm@mail.ru, ² mila_golyashova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.06.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): метафора; сравнение; метафорическое сравнение; афганская проза; А. Козлачков; metaphor; simile; metaphorical simile; Afghan prose; A. Kozlachkov.